
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.16

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-1-93-99

К. А. Савельев*

СЛЕДОВАТЕЛЬ В ПОСТСОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена развитию законодательства о досудебном производстве по уголовным делам в постсоветских странах. Рассмотрены изменения в правах защиты на предварительном расследовании этих стран. Указано на отсутствие связи между действиями судебного следователя и состязательностью предварительного расследования. Проведен сравнительный анализ исторических и современных форм участия следственных судей в уголовном процессе. Установлены общие тенденции развития законодательства постсоветских стран. Даны рекомендации по улучшению законодательства.

Ключевые слова: законная процедура, реформы, инквизиционная модель, доказательства, реорганизация предварительной процедуры, расследование, суд.

Существенной задачей современного этапа реформирования уголовного процесса является определение роли и значения следователя в досудебном производстве. Несмотря на коренное преобразование структуры предварительного следствия — ограничение прокурорского надзора, введение имеющего широкие полномочия руководителя следственного органа, — остались актуальными претензии к собственной данному правовому институту инквизиционности.

Хотя закон наделяет сторону защиты широкими правами по опровержению или смягчению обвинения, их реализация сводится к адресованным органам уголовного преследования ходатайствам и жалобам. Так, в условиях действующей системы уголовного процесса России не смогли стать эффективным средством защиты полномочия защитника по собиранию доказательств (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Во многом это объясняется тем обстоятельством, что решение о приобщении собранных защитником материалов принимает противостоящая ему сторона обвинения. Следует отметить, что аналогичные российским способы собирания доказательств предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством Республики Сербия (ст. 301 УПК РС). В сербской теории уголовного процесса они также критикуются в связи с неравенством защиты и обвинения, исключающим реальное использование полученных доказательств [1–3].

Право подозреваемого представлять «средства доказывания» закреплено пп. 13 ч. 2 ст. 64 УПК Молдовы; аналогичные права имеет также обвиня-

емый, подсудимый (пп. 15 ч. 2 ст. 66 УПК Молдовы) и защитник (пп. 5 ч. 1 ст. 68 УПК Молдовы). Хотя уголовно-процессуальное законодательство Молдавии не содержит указания на специальные способы получения доказательств защитой, в отсутствие у этих лиц властных полномочий они не могут существенно отличаться от предусмотренных российским уголовно-процессуальным правом.

Защитник осуществляет меры по собиранию доказательств для выяснения вопросов, связанных с осуществлением защиты подозреваемого или обвиняемого, и в Азербайджане (ст. 92.9.9. УПК Азербайджана). При этом если уголовное преследование проводится в порядке частного обвинения, он опрашивает с этой целью физических и юридических лиц с их согласия, а также на основе договора получает заключение эксперта и узнает мнение специалиста. Тем не менее об отношении практиков к данной правовой норме косвенно свидетельствует ст. 33.4 УПК Азербайджана, запрещающая предвзятое отношение судей и присяжных заседателей к доказательствам и иным материалам, придание одним из них большего или меньшего по сравнению с другими значения до исследования в пределах существующей правовой процедуры.

Нормы, устанавливающие права защиты по собиранию и представлению доказательств, существуют также в Казахстане (ч. 3 ст. 125 УПК) и Беларуси (ч. 4 ст. 24 УПК).

Более категорично в этой части законодательство Грузии. Обвиняемый там вправе лично или с адвокатом собирать доказательства, имеющие равную силу

---

* © Савельев К. А., 2018

Савельев Константин Анатольевич (konsav67@gmail.com), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

с доказательствами обвинения. Сверх этого, если для получения доказательств необходимы следственные или процессуальные действия – обвиняемый вправе втайне от обвинения просить об их производстве судью по месту расследования (ст. 39 УПК Грузии), который должен назначить для этого другого следователя. При этом в любом заявленном ходатайстве может быть отказано, если оно направлено на затягивание уголовного процесса или воспрепятствование ему (ч. 1 ст. 94 УПК Грузии).

Несмотря на традиционность упомянутых норм для уголовно-процессуального закона постсоветских стран, их эффективность незначительна. Защите предоставлены способы собирания доказательств, которые не основаны на уголовно-процессуальных правоотношениях. Защитник не вправе требовать предоставления ему сведений или материалов – опрос он проводит только с согласия опрашиваемого лица; в интересующие его помещения вправе попасть только с разрешения собственника; справки от организаций получает только при отсутствии в них охраняемой законом тайны. Отказ от предоставления защитнику информации не влечет какой-либо ответственности. Можно констатировать, что всеми предусмотренными законом средствами (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) способен воспользоваться любой гражданин – никто не запретит ему беседовать с любым лицом, которое против этого не возражает, или посетить его жилище.

Однако и в случае получения важной для защиты информации возникают проблемы. Легитимизация материалов защиты производится следователем или дознавателем путем приобщения их к материалам дела и вынесения процессуального решения о признании доказательством. Хотя эти должностные лица и обязаны удовлетворить ходатайства защитника в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, имеющих значение для дела (пп. 2.2. ст. 159 УПК РФ), оценка значения доказательства производится с точки зрения обвинения. Тем самым органы предварительного расследования получают возможность отсеять часть доказательств защиты.

Проблемы собирания и представления доказательств защитой на предварительном расследовании в постсоветских странах – не единственная, но очень яркая структурная проблема. Длительность ее существования и распространенность на территории многих стран смешанного типа уголовного процесса свидетельствуют о неразрешимости данного вопроса в рамках существующей парадигмы досудебного производства.

Отдельные авторы видят выход в ограниченной конвергенции англо-саксонской и континентальной форм досудебного производства [4, р. 48], то есть розыскных и состязательных начал судопроизводства. По их мнению, это позволило бы соединить достижение объективной истины и наделение сторон широкими правами. Это представляется маловероятным – как показывает история, никакие

правила *favor defense* (благоприятствования защите) и состязательные элементы не позволят преодолеть имеющиеся у следователя властные полномочия. С другой стороны, В.И. Самарин и В.В. Луцкик правильно отмечают, что смешанная модель уголовного процесса может в разных пропорциях содержать обвинительный или состязательный уклон [5, с. 24–25]; тем не менее инквизиционный характер предварительного расследования не исключает появления у подозреваемого реального права на защиту, квинт-эссенцией которого является допуск защитника на самых ранних этапах. Полностью согласиться с этим нельзя – как бы рано ни появлялся защитник в деле и какие бы права ни имел, его возможности ограничены обвинительной властью.

Другим популярным направлением реформирования постсоветского досудебного расследования стало введение «следственного судьи». Этим путем пошло законодательство Украины с принятием нового УПК в 2012 году; функцией этого участника досудебного производства стал судебный контроль за соблюдением закона в отношении участников расследования, а также санкционирование следственных действий. Аналогичны и полномочия следственного судьи в уголовно-процессуальном законодательстве Латвии, а также грузинского «судьи-магистранта» (ст. 20 УПК Грузии). Как и в Российской Федерации, где судебный контроль (хотя и без выделения отдельной фигуры следственного судьи) начал внедряться с 90-х годов, существенных улучшений в порядок уголовного судопроизводства это не внесло. Следственный судья принял на себя часть функций, которые в этих странах ранее выполнялись прокурорами (санкционирование следственных действий, реагирование на допущенные органами расследования нарушения прав граждан и т. д.). При этом в каждом случае сохранилась развитая система имеющих широкие полномочия органов уголовного преследования (следователи, руководители следственных органов и прокуроры); защита же ограничена ходатайствами и жалобами. Поэтому появление на следствии еще одной контрольной инстанции ситуацию изменить не могло.

Несколько иначе был решен вопрос в Молдавии: там появилась фигура «судьи по уголовному преследованию» (ст. 41 УПК Молдовы). В его полномочия кроме судебного санкционирования следственных действий и мер пресечения входит также обеспечение доказательств. В случае когда свидетель по уважительным причинам будет отсутствовать в предстоящем судебном разбирательстве, прокурор вправе потребовать его допроса судьей по уголовному преследованию с участием подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего с правом ставить свидетелю собственные вопросы (ч. 3 ст. 109 УПК Молдовы). Судья по уголовному преследованию вправе также допрашивать свидетеля вне места расследования или судебного разбирательства для обеспечения его безопасности (ст. 110 УПК Молдовы).

Похожее положение занимает в Литве судья досудебного расследования (ст. 164 УПК); этот судья совмещает функции судебного контроля с допросами потерпевших, свидетелей и подозреваемых по представлению прокурора (ст. 173 УПК Литвы).

В уголовно-процессуальной теории неоднократно отмечалось, что разнообразные формы судебного контроля зарекомендовали себя надежным средством оперативного исправления наиболее существенных нарушений прав граждан [6, с. 158; 7, с. 101–111; 8, с. 184; 9, с. 146]; нельзя согласиться с возможностью замены следственного судьи прокурором в этой области [10]. Тем не менее задач по исправлению дисбаланса возможностей обвинения и защиты в досудебном производстве решить они не смогли. Идея судебного контроля была порождена институтом Habeas Corpus Act, возникшим в Англии 1679 года в условиях отсутствия предварительного расследования и прокурорского надзора. Его предназначением было пресечение незаконных задержаний, но никак не обеспечение прав защитника. Исходя из этого, и современные формы судебного контроля в виде действий следственного судьи, судьи по уголовному преследованию, судьи-магистранта или судьи досудебного расследования указанных задач решить не могут. Судебный контроль в настоящее время включает в себя две различные формы – проверку по жалобам участников законности действий и решений, нарушающих их права, а также судебное санкционирование мер пресечения и следственных действий. При этом судебное санкционирование плохо укладывается в концепцию судебного контроля, так как производится не по жалобам (имеет «сплошной» характер) и препятствует последующему судебному контролю в случае выявления незаконности оснований производства процессуальных действий. Более логично было бы отнести санкционирование процессуальных действий к ведению прокурора с возможностью их последующего судебного обжалования. Однако этот вопрос выходит за пределы настоящего исследования. Другим решением является наделение следственного судьи расширенными полномочиями по депонированию и/или легализации доказательств [11, с. 7–8; 12]. Благодаря этому полномочию защита сможет передавать собранные ею доказательства не своему процессуальному противнику, а независимому и беспристрастному следственному судье. Предполагается выполнение этим должностным лицом не одних лишь традиционных функций судебного контроля, но и судебной проверки собранных обвинением и защитой доказательств. Только после их верификации следственным судьей доказательства становятся судебными и допускаются в суд. Тем самым доказательственная деятельность сторон становится составительной уже в досудебной части процесса.

Являясь внешне привлекательной, такая идея страдает целым рядом недостатков, исключающих ее практическое применение. Важнейшим из них

представляется проверка доказательств следственным судьей без принятия дела к своему производству. Не устанавливается требований устности и непосредственности исследования доказательств; отсутствует возможность проверки всей совокупности доказательств по уголовному делу. В этих условиях следственный судья лишен возможности выявить противоречия между различными доказательствами, даже если они ставят под сомнение достоверность средств доказывания. Устанавливается ревизионный порядок проверки доказательств, направленный исключительно на выяснение правильности формы доказательств. Следует отметить, что и выяснение допустимости доказательства возможно только с учетом всей совокупности доказательств по делу, так как о незаконности его получения могут свидетельствовать другие доказательства (показания свидетелей, понятых, заключения экспертов и т. д.). Проверая представленные ему отдельными участниками процесса отдельные доказательства по многим делам одновременно, следственный судья не в состоянии выполнить стоящие перед ним задачи по их верификации.

Проблемой проверки доказательств стороны защиты следственным судьей является соблюдение презумпции невиновности. На обвиняемого и его защитника в этом случае фактически возлагается бремя доказывания законности полученных ими доказательств, что прямо противоречит ст. 14 УПК РФ. Более того, для установления источника получения доказательств во всех случаях потребуются допрос защитника, нарушающий его свидетельский иммунитет и право обвиняемого на защиту. Можно предположить, что опасения ухудшения положения обвиняемого в результате раскрытия источника его осведомленности о местонахождении доказательств во многих случаях воспрепятствуют легализации таких доказательств. Благодаря этому предложенный механизм легализации доказательств защиты направлен против интересов защиты, что отмечается отдельными авторами [13, с. 220]. Парадоксальным образом предоставление следственному судье полномочий досудебной легализации доказательств ведет к возрождению теории формальных доказательств, так как в этом случае сила доказательства связывается исключительно с законностью его формы.

Не случайно законодатели постсоветских стран даже при введении тех или иных разновидностей следственных судей ограничивались возможностью депонирования доказательств, но никак не их проверкой и легализацией в качестве судебных. Следует признать обоснованную критику предложений о введении в отечественный процесс следственного судьи с точки зрения как недопустимости объединения следственных и судебных функций, невозможности «впрягать в одну упряжку державный суд и обвинительную власть» [14, с. 78], так и невозможности имплементации в отечественное судопроизводство чуждых ему англо-саксонских норм [15; 16].

Не стала образцом для реформирования досудебного производства постсоветских стран и модель судебного следователя по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года. Его несомненным достоинством было принятие дела к своему производству, позволявшему оценить всю совокупность доказательств. Предназначением судебного следователя стало приведение в известность как обстоятельств, уличающих обвиняемого, так и обстоятельств, его оправдывающих (ст. 265 УУС). Решение такой двойственной задачи требовало размежевания предварительного следствия и обвинительной власти, так как иначе собирание этим органом оправдательных доказательств становилось маловероятным. Поэтому авторы Устава уголовного судопроизводства отнесли предварительное следствие к судебному ведомству и отделили власть обвинительную от судебной. На предварительном расследовании власть обвинительная, то есть обнаружение преступлений и преследование виновных, была передана прокурорам, а судебная – судебным следователям. Статус судебного следователя приравнивался к членам окружного суда; они назначались в том же порядке, пользовались привилегиями судей и были несменяемы.

Как нетрудно заметить, творцы Устава уголовного судопроизводства видели залог эффективности судебного следователя в его независимости. Однако совмещение судебной независимости и следственного процесса оказалось невозможным. Судебный следователь оказался двойственным следственно-судебным органом. Существо его деятельности было связано с тайным розыскным процессом, противоположным действующим в суде началам гласности, состязательности и устности. Поэтому наиболее распространенным упреком в отношении судебных следователей в то время был свойственный им приоритет обвинительной деятельности. Так, В. П. Даневский в 1895 году констатировал, что условия деятельности судебного следователя делают из него хорошего сыщика, видящего в привлеченном лице виновного [17].

На «неравную борьбу между следственным судьей и подсудимыми: первый является всемогущим обвинителем, второй – собственным, обыкновенно плохим, защитником» – указывал и Л. Е. Владимиров [18, с. 150].

Не увенчались успехом и попытки благодаря независимому судебному следователю обеспечить равенство сторон в доказывании на следствии. Отмечалось, что возлагать на сторону обязанность доказывания своих утверждений можно только в том случае, когда средства доказывания одинаково доступны для спорящих [18, с. 153].

Из сказанного следует, что ни одно из популярных предложений по реформированию расследования на основании введения фигуры судебного следователя не оправдалось. Невозможна и реальная состязательность в досудебном производстве: в континентальном процессе этому препятствуют

властные полномочия обвинения, а в англо-саксонском – отсутствие формального расследования и процессуальной функции защиты.

Длительный опыт трансформации постсоветского уголовного процесса разных государств в различных экономических, политических и социальных условиях ведет к неизбежному выводу о необходимости сохранения традиционной структуры расследования, включающей в себя деятельность следователя, надзор прокурора и судебный контроль. Только в такой конфигурации возможно решение главной стоящей перед органами расследования задачи – установления обстоятельств дела (ст. 73 УПК РФ). Должны быть получены доказательства в отношении всех обстоятельств уголовного дела; не менее важно наличие в материалах предварительного расследования объема доказательств, которые могли бы бесспорно определить существование каждого из этих обстоятельств в отдельности. Обеспечение прав обвиняемого в этом случае заключается в обязанности стороны обвинения прекратить уголовное преследование в случае невозможности решить эту задачу. Отказ в прекращении уголовного преследования при недостаточности доказательств (в связи с непричастностью лица к совершению преступления) сам по себе нарушает закон и создает повод для реагирования прокурора и суда.

Следует отметить, что в течение последних 154 лет истории отечественного уголовного судопроизводства состязательность и расширение прав защиты связывались с внедрением концепции «вероятной истины». Не вдаваясь в широко известную дискуссию о характере истины как цели доказывания, можно лишь констатировать несостоятельность этой позиции. «Вероятная истина» во всех случаях основана на недостаточности доказательств. Продолжение уголовного преследования при недостаточности доказательств всегда нарушает права обвиняемого. В еще большей степени «вероятная истина» нарушает принцип состязательности, так как позволяет обвинению самостоятельно определять объем необходимых доказательств, хотя защита этого права лишена. Теория «вероятной истины» нарушает и другой основополагающий принцип демократического судопроизводства, а именно презумпцию невиновности, поскольку ограничивает бремя доказывания обвинения его собственным усмотрением. Поэтому только установление объективной (материальной) истины в качестве цели доказывания соответствует правам защиты.

Конечно, современный уголовный процесс неизбежно включает в себя различные ускоренные и упрощенные формы, в рамках которых доказывание ограничено, поэтому нельзя говорить об установлении объективной истины. Но и здесь можно найти весомые состязательные элементы: упрощенные процедуры возможны только при совпадении позиций обвинения и защиты. Защита исходит из бесперспективности борьбы с обвинением и хода

тайствует о сокращенном дознании или рассмотрении дела в особом порядке, а обвинение руководствуется нецелесообразностью полноценного доказывания по делам об очевидных преступлениях. Каждая из сторон может заблокировать применение ускоренных производств и перейти к доказыванию в общем порядке.

Наряду с правильным определением цели процессуальной деятельности органов предварительного расследования для обеспечения прав защиты необходимо реализовать имеющийся в отечественной науке и практике резерв. Как уже упоминалось, расширение независимости следователя само по себе никогда не приводило к кардинальным улучшениям. Но и без четко определенных границ вмешательства в принятие следователем процессуальных решений нельзя обеспечить реализацию им принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Установление излишних административных и процессуальных полномочий по надзору, контролю и руководству его деятельностью лишает следователя самостоятельности, а значит, подрывает систему расследования. В отсутствие возможности принимать решения по собственному усмотрению следователь также не может оценить достаточность доказательств для достижения истины по делу. Поэтому требуется система «сдержек и противовесов» властных полномочий следователя, прокурора и судебного контроля.

Именно так решался вопрос в период с 1864 по 1917 год. Так, прокуроры были вправе присутствовать при всех следственных действиях, но не могли их останавливать (ст. 280 УСС); могли давать судебному следователю указания об исследовании преступлений и собирании доказательств, но следователь отмечал в протоколе действия, выполненные им по такому поручению (ст. 281 УСС), и мог обнаружить препятствия к исполнению поручения. Прокурор имел право предложить следователю задержать обвиняемого, но следователь мог не исполнять его и представить о том суду (ст. 285 УСС). Таким образом, взаимоотношения следователя и прокурора носили сбалансированный характер. По окончании предварительного следствия судебный следователь предъявлял следственное производство обвиняемому, проверял указанные им новые обстоятельства и отсылал все производство прокурору окружного суда.

В функции этого должностного лица входила проверка полноты следствия, необходимости его прекращения или приостановления и возможности предания обвиняемого суду. Выяснив неполноту расследования, прокурор окружного суда требовал предоставления ему дополнительных сведений или обращал дело к доследованию. Так как прокурор относился к обвинительной власти, вопросы прекращения и приостановления дел выходили за пределы его компетенции и могли разрешаться только судебной властью. В связи с этим при необходимости в этом прокурор составлял заключение и передавал его на рассмотрение суда.

Усмотрев возможность направления уголовного дела в суд, прокурор составлял обвинительный акт с указанием события преступления, данных об обвиняемом, сущности имеющихся доказательств и определения преступления, которому соответствуют признаки рассматриваемого деяния. Таким образом, обвинение формулировалось не следователем как органом судебной власти, а представителем обвинительной власти. Представляется возможным использовать схожую систему и при отсутствии в Российской Федерации отнесенного к судебной системе следователя.

Возрождение четко определенной законом системы взаимодействия следователя, прокурора и суда позволило бы существенно повысить эффективность защиты. Следует также функционально разделить дознание и следствие, возложив на дознание обнаружение преступлений и установление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. В полном объеме дознание должно осуществлять досудебное производство только по очевидным преступлениям небольшой и средней тяжести при ходатайстве подозреваемого о сокращенном дознании. Такая деятельность имеет преимущественно полицейский характер, не связана с полноценным доказыванием и не требует масштабного участия защиты. Следствие же должно производиться в отношении конкретного лица; защита при этом должна быть знакома со всей совокупностью доказательств и иметь возможность предоставлять и получать доказательства.

В заключение следует отметить, что все постсоветские системы уголовного судопроизводства имеют единую траекторию развития – ни в одном случае законодатель не отказался от предварительного расследования; нигде защита не была наделена правом собирания доказательств, тождественным имеющемуся у обвинения; нигде попытки введения судебного следователя не вышли за пределы судебного контроля. Видимо, концепция реформирования предварительного расследования и далее будет сходной во всех странах.

Библиографический список

1. Bošković A. Analiza primene pojedinih adversarijalnih krivičnoprocesnih instituta u kontinentalnom krivičnom procesnom zakonodavstvu (Analysis of the application of certain adversarial institutions in the continental criminal procedural legislation). *Rev. za Kriminol. i krivično pravo*, 2013, no. 51, pp. 75–94.
2. Bošković A. Osnovne karakteristike policijske istrage u krivičnom procesnom zakonodavstvu Engleske [Basic characteristics of the police investigation according to the English criminal procedure] // *Strani prav. život*, no. 59 (2), pp. 211–232. 2014.
3. Bošković A. Stranačka istraga u srpskom i italijanskom krivičnom procesnom zakonodavstvu i efikasnost istražnog

postupka [Defence investigation in Serbian and Italian criminal procedure legislation and the efficiency of the investigation proceedings] // *Rev. za Kriminol. i krivično pravo*, 2015, no. 53 (1), pp. 89–100.

4. Bošković Aleksandar, Radović Nenad. Comparative overview of the preliminary proceedings in the Republic of Serbia, Germany, and Italy // *International Journal of Law, Crime and Justice*. Volume 52. March 2018.

5. Самарин В. И. Луцки В. В. Уголовный процесс Европейских государств: монография. М.: Проспект, 2018. 752 с.

6. Россинский С. Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. 240 с.

7. Leonid Golovko. La protection des libertés et droits fondamentaux par le juge dans les phases préparatoires du procès pénal russe // *Revista ESMAT*, Vol. 9, no. 12, pp. 101–111.

8. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006. 352 с.

9. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004. 346 с.

10. Барабаш А. С. Прокурор – следственный судья // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. С. 6–15.

11. Институт следственных судей – путь к состязательности в уголовном процессе. Интервью с советником Конституционного Суда Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором Александром Витальевичем Смирновым // *Евразийская адвокатура*, 2015, № 1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sledstvennyh-sudey-put-k-sostyazatelnosti-v-ugolovnom-protssesse-intervyu-s-sovetnikom-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoj> (дата обращения: 10.02.2018).

12. Смирнов А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения: 10.02.2018).

13. Соловьев С. А. Процессуальная конструкция – благоприятствование защите (FAVOR DEFENSIONIS) – в свете новой (состязательной) теории уголовно-процессуальных доказательств // Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.

14. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию М.: Проспект, 2009. 192 с.

15. Головки Л. В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (дата обращения: 10.02.2018).

16. Головки Л. В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного

процесса? URL: <http://www.iuaj.net/node/1740> (дата обращения: 10.02.2018).

17. Даневский В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М.: Нобель Пресс, 1895. 146 с.

18. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.

References

1. Bošković A. Analiza primene pojedinih adversarijalnih krivičnoprocenih instituta u kontinentalnom krivičnom procesnom zakonodavstvu [Analysis of the application of certain adversarial institutions in the continental criminal procedural legislation]. *Rev. za Kriminol. i krivično pravo*, 2013, no. 51 (1), pp. 75–94 [in Serbian].

2. Bošković A. Osnovne karakteristike policijske istrage u krivičnom procesnom zakonodavstvu Engleske [Basic characteristics of the police investigation according to the English criminal procedure]. *Strani prav. život*, 2014, no. 59 (2), pp. 211–232 [in Serbian].

3. Bošković A. Stranačka istraga u srpskom i italijanskom krivičnom procesnom zakonodavstvu i efikasnost istražnog postupka [Defence investigation in Serbian and Italian criminal procedure legislation and the efficiency of the investigation proceedings]. *Rev. za Kriminol. i krivično pravo*, 2015, no. 53 (1), pp. 89–100 [in Serbian].

4. Bošković Aleksandar, Radović Nenad. Comparative overview of the preliminary proceedings in the Republic of Serbia, Germany, and Italy. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2018, Vol. 52, March [in English].

5. Samarina V. I., Lutsik V. V. Ugolovnyi protsess Evropejskikh gosudarstv: monografiia [Criminal process of the European states: monograph]. М.: Prospekt, 2018, 752 p. [in Russian].

6. Rossinskiy S. B. Sledstvennye deistviia [Investigative actions]. М.: Norma, 2018, 240 p. [in Russian].

7. Golovko Leonid. La protection des libertés et droits fondamentaux par le juge dans les phases préparatoires du procès pénal russe. *Revista ESMAT*, Vol. 9, no. 12, pp. 101–111 [in French].

8. Volodina L. M. Problemy ugolovnogo protssessa: zakon, teoriia, praktika [Problems of the criminal process: law, theory, practice]. М.: Iurist", 2006, 352 p. [in Russian].

9. Muratova N. G. Sistema sudebnogo kontroliia v ugolovnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatelnogo regulirovaniia i praktiki [System of judicial control in criminal proceedings: issues of theory, legislative regulation and practice]. Kazan: Kazanski gosudarstvennyi universitet im. V. I. Ul'ianova-Lenina, 2004, 346 p. [in Russian].

10. Barabash A. S. Prokuror – sledstvennyi sud'ia [Prosecutor – investigating judge]. In: *Ugolovnaia iustitsiia: sviaz' vremen. Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Sankt-Peterburg, 6–8 oktiabria 2010 goda. Sost. A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskii [Criminal justice: the connection of time. Selected materials of the international scientific conference. St. Petersburg, October 6–8, 2010. Compiled by

A. V. Smirnov, K. B. Kalinovsky]. M.: ZAO «Aktion-Media», 2012, pp. 6–15 [in Russian].

11. Institut sledstvennykh sudei put' k sostizatel'nosti v ugolovnom protsesse. Interv'iu s sovetnikom Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii, doktorom iuridicheskikh nauk, professorom Aleksandrom Vital'evichem Smirnovym [The Institute of Investigative Judges is the path to adversarial proceedings in criminal proceedings. Interview with the adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Alexander Vitalievich Smirnov]. Evraziiskaia advokatura [Eurasian Advocacy], 2015, no. 1 (14). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sledstvennyh-sudey-put-k-sostizatel'nosti-v-ugolovnom-protsesse-intervyu-s-sovetnikom-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy> (accessed 10.02.2018) [in Russian].

12. Smirnov A. V. Rossiiskii ugolovnyi protsess: neobkhodima novaia model' [Russian criminal trial: a new model is needed]. Available at: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (accessed 10.02.2018) [in Russian].

13. Soloviev S. A. Protssesual'naia konstruktsiia – blagopriiatstvovanie zashchite (FAVOR DEFENSIONIS) – v svete novoi (sostizatel'noi) teorii ugolovno-protssesual'nykh dokazatel'stv [Procedural construction – the favor of protection (FAVOR DEFENSIONIS) – in the light of the new (adversarial) theory of criminal procedural evidence].

In: Doktrinal'naia model' ugolovno-protssesual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i kommentarii k nei [The doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and the commentary to it]. M.: Iurlitinform, 2015, 304 p. [in Russian].

14. Petrukhin I. L. Opravdatel'nyi prigovor i pravo na reabilitatsiiu [Acquittal and the right to rehabilitation]. M.: Prospekt, 2009, 192 p. [in Russian].

15. Golovko L. V. Institut sledstvennykh sudei: amerikanizatsiia putem manipuliatsii [Institute of investigative judges: Americanization by manipulation]. Available at: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (accessed: 10.02.2018) [in Russian].

16. Golovko L.V. Sledstvennye sud'i ili ocherednoi raund «amerikanizatsii» rossiiskogo ugolovnogo protsessa? [Investigating judges or the next round of «Americanization» of the Russian criminal process?]. Available at: <http://www.iauaj.net/node/1740> (accessed 10.02.2018) [in Russian].

17. Danevsky V. P. Nashe predvaritel'noe sledstvie, ego nedostatki i reforma [Our preliminary investigation, its shortcomings and reform]. M.: Nobel' Press, 1895, 146 p. [in Russian].

18. Vladimirov L. E. Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh [The doctrine of criminal evidence]. Tula: Avtograf, 2000, 464 p. [in Russian].

K. A. Savelev*

AN INVESTIGATOR IN POST-SOVIET CRIMINAL PROCESS

The article is devoted to the development of legislation on pre-trial proceedings in criminal cases in the post-Soviet countries. Changes in the rights of the defence during the preliminary investigation of these countries are considered. The lack of a link between the actions of the investigating judge and the competitiveness of preliminary investigation is shown. The comparative analysis of historical and contemporary forms of participation by investigating judges in the criminal process is carried out. The general trends of development of legislation of the former Soviet States are set. Recommendations for improving legislation are given.

Key words: criminal legal procedure, reforms, inquisitorial model, evidence, reorganisation of the preliminary proceedings, investigation, court.

* *Savelev Konstantin Anatolevich* (konsav67@gmail.com), Department of the Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.